

ва (последние позволяют использовать понятие близости объектов).

Список литературы

1. D. Mazurov. Conjugacy in Pattern Recognition - Yugoslav J. Oper. Res. – 1997 – vol 7 – No 1, pp 15 – 38.
2. D. Mazurov. Efficient Choice and Diagnostics in the Neural network Modeling – Pattern Recogn. & Image Anal. – 2000 vol 10 – No 1, pp 153 – 155.:
3. Вл. Д. Мазуров. Метод комитетов в задачах оптимизации и классификации – М. – «Наука» – 1990.
4. Б. Г. Миркин. Проблема группового выбора – М. – «Наука» – 1974.
5. Горбань А.Н., Россиев Д. А. Нейронные сети на персональных компьютерах – Красноярск – «Наука» - 1996, 277 с.
6. Колмогоров А. Н. О представлении непрерывных функций нескольких переменных в виде суперпозиции непрерывных функций одного переменного – Докл. АН СССР – 1957 – т. 114, № 5, с. 953 – 956.
7. Горбань А. Н. Функции многих переменных и нейронные сети – Соросовский образовательный журнал – 1998 - № 12, с.105 – 112
8. В. Вайдлих. Социодинамика – М. – УРСС. 2004, 478 с.
9. D. Gale, H. Nikaido. The Jacobian matrix and global univalence of mappings – Math. Ann, 159 – No 2 – 1965, pp 178 - 187.
10. K. Arrow, G. Debreu. Existence and equilibrium for a competitive economy – Econometrika, 22, 1954, pp 265 – 290.
11. А. Бергстром. Построение и применение экономических моделей – М. – «Прогресс» – 1970, 176 с.

О. А. Михайлова, О. В. Куприянова

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Конец XX века, эпоха перестройки и постперестройки по своим последствиям подобна революции. Переломные времена всегда вызывают сдвиги в языке. Языковое существование в России последних лет лингвисты называют «праздником вербальной свободы» (Е.А. Земская). Речевая свобода, безусловно, оздоровила язык: избавила его от идеологической лжи, способствовала процессу его демократизации, раскрепостила межличностное общение. И вместе с тем речевая свобода принесла с собой негативные явления (так бывает, когда прорывается поток, сдерживаемый плотиной: вместе с чистой водой плывет много мусора).

К таким отрицательным последствиям следует отнести безразличие к правильности произношения слов и выражения мысли вообще, утрату чувства меры в употреблении нелитературных слов и выражений, неуважение к своему собеседнику даже в официальном публичном общении. Таким образом, демократизация языка у нас в обществе привела к тому, что собственно речевые процессы оказались тесно связанными с социальными отношениями, а язык стал источником социальных конфликтов. Возросшее внимание современной личности к чувству собственного достоинства, поддержанию своего авторитета в обществе усугубляют и без того конфликтогенную ситуацию. Именно поэтому в последнее время всё больше людей стали обращаться в суд с исковыми заявлениями о защите чести и достоинства.

Названное положение дел высветило большую общественную потребность в правовом регулировании отношений людей в сфере использования русского языка в политике, экономике (документационные споры), СМИ (информационные споры). Возникла необходимость выработать основные критерии определения степени оскорбительности речи и четко определить лексические средства, несущие в себе негативную оценку. Все это послужило причиной возникновения нового направления лингвистики – юридической лингвистики, или юрислингвистики [Юрислингвистика 2000]. Однако в настоящее время смежные вопросы не разработаны в достаточной степени ни с лингвистической, ни с юридической стороны, часто отсутствует понимание границ компетенции этих наук в решении совместных проблем, связанных, в частности, с лингвистической экспертизой текстов, вовлеченных в юридическую практику.

Нам приходится достаточно часто делать такую экспертизу по типично «журналистским» правонарушениям, к которым относятся унижение чести, достоинства и деловой репутации; распространение материалов противоправного содержания, пропагандирующих расовое и национальное превосходство или неполноценность; оскорбление, клевета. Особенность этих правонарушений состоит в том, что совершаются они посредством речевого поведения, путем использования продуктов речевой деятельности, т.е. текстов в СМИ.

Попытаемся обосновать, почему происходит коммуникативный конфликт и на какие раздражители чаще всего реагируют люди, подавая иски.

Ситуация общения, письменного или устного, представляет собой коммуникативный акт, т.е. речевое взаимодействие между участниками-коммуникантами, один из которых является адресантом/отправителем речи, а другой адресатом/получателем речи. Средством общения является язык, который понимается и тем, кто сообщает информацию, кодируя её в значениях отобранных слов, и тем, кто принимает эту информацию, декодируя её, т.е. расшифровывая эти значения. В процесс общения включены, по меньшей мере, два человека, поэтому восприятие, понимание и оценка человеком человека становятся наиболее важными элементами коммуникации. От точности «прочтения» с их помощью внутреннего мира коммуниканта зависит успешность согласованных действий. В коммуникативном акте с точки зрения языка существует противоположность интересов автора текста (говорящего, пишущего) и его адресата (слушателя, читателя) [Голев 2001: 252]. Автор склонен к более либеральному отношению к языковым нормам, он использует старые слова, наделяя их новым смыслом, создает новые языковые знаки, чтобы выразить себя как творческую личность. Адресат в силу объективных потребностей является большим консерватором и пуристом, стоящим на страже языковых норм. Он стремится к адекватному пониманию сказанного/написанного, а это означает, что он подводит услышанное/прочитанное им под устойчивый, известный код, хранимый в его языковом сознании. Осознание мотивов другого человека через призму своего мироощущения зачастую приводит к ошибочной интерпретации. Это осуществляется чаще всего неосознанно, т.е. другому человеку приписываются такие мотивы или чувства, которые сам субъект, как он считает, обнаружил бы в аналогичной ситуации. В иных случаях ошибочная интерпретация чужого высказывания возникает, когда партнера по общению адресат начинает относить к определенной категории лиц, в отношении которых выработаны некоторые стереотипные представления, носящие характер предубеждения.

Презумция взаимопонимания собеседников – это не только общность языкового кода, но и одинаковость понимания текста. Если такое подведение не осуществляется или коды не совпадают

ют, то возникает недопонимание, непонимание, «не-так-понимание», двусмысленное понимание [Голев 2001: 252]. Все это приводит к коммуникативным конфликтам, большинство которых остается в области обыденного общения, но многие конфликты достигают сфер этики и права, что создает потребность их юридической регламентации. Таким образом, к естественным культурно-речевым, нормативным механизмам контроля за правильностью языкового высказывания подключается фактор юридической ответственности. Подавая иск, адресат выступает в качестве субъекта права личности на безопасную, комфортную среду обитания – права на незагрязненное речевое существование. И если, к примеру, сквернословие разрушает его душевное равновесие, то человек имеет право на защиту.

Личность имеет также право на защиту своей чести и достоинства, если речевой продукт содержит, по его мнению, оскорбление. Понятия *честь* и *достоинство* не имеют однозначного прочтения в естественном (общенациональном) литературном и юридическом (специальном) языке. В наивном языковом сознании *достоинство* в большинстве случаев представлено как внутреннее, положительное качество человека, а *честь* как внешняя оценка, исходящая со стороны социума. В отличие от *честь*, *достоинство* есть не просто оценка соответствия своих поступков социальным (моральным) нормам, но, прежде всего, ощущение своей ценности как человека вообще (человеческое достоинство), как конкретной личности (личное достоинство), как представителя определенной социальной группы или общности (например, профессиональное достоинство), ценности самой этой общности (например, национальное достоинство).

В юридическом языке *достоинство* – морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности. *Достоинство* – неотъемлемое свойство, принадлежащего человеку независимо от того, как он сам и окружающие люди воспринимают и оценивают его личность.

В гражданском праве: *Достоинство* – одно из нематериальных благ, принадлежащих человеку от рождения; оно неотчуждаемо и непередаваемо (ст. 150 ГК РФ).

В конституционном праве: *Достоинство* – критерий отношения государства к личности и ее правовому статусу как высшей социальной ценности. Охраняется УК. Согласно ст. 21 КРФ

достоинство охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления.

В юридическом дискурсе человек представляет социальную ценность, которую государство должно охранять, а общество признавать. Именно этот смысловой компонент слова *достоинство* укрепляется в современном обыденном сознании. Однако в юридическом понимании это слово не несет в себе смыслового компонента «осознание человеком своей ценности», хотя именно эта составляющая является одной из принципиальных для наивного носителя языка.

Честь в юридическом понимании – категория, означающая моральную оценку человека обществом, а также самооценку.

В гражданском праве: *Честь* – одно из нематериальных благ, принадлежащих человеку от рождения, неотчуждаемо и непередаваемо (ст. 150).

В конституционном праве: гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его *честь* сведений, если человек, распространивший такие сведения, не докажет, что они соответствуют действительности, а также возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

Юридические словари выделяют два основных смысловых компонента слова *честь*: «человек обладает неким особым качеством от рождения», которое «получает со стороны общества ту или иную оценку». Не соответствующая действительности оценка может опровергаться по суду.

Таким образом, понятия *честь* и *достоинство* являются оценочными категориями: *достоинство* – это «сознание человеком своей моральной ценности», а *честь* – «положительное отношение к нему окружающих». Соответственно, когда возникает ситуация оскорбления, её действие оказывается ориентированным сразу в двух направлениях: во-первых, на разрушение уважительного, почтительного и благоприятного в целом отношения социума к индивиду, а во-вторых, на умаление той значимости, ценности, которую осознает в себе человек.

В УК РФ есть только одна ст.131, посвященная оскорблению: «Оскорбление – унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме». Термин *оскорбление* определен слишком узко, а *неприличная форма* вообще не имеет объяснений, что порождает немало вопросов. Данные юридического словаря дают

двойное толкование понятия *неприличная форма*: а) вообще нарушение правил поведения (в особенности речевого), принятых обществом в целом или данной социальной группой для данной ситуации; б) непристойность, т.е. употребление слов и выражений, связанных с половыми органами, выделениями организма и пр. и оскорбляющих общественную нравственность. В частности, указывается, что при оскорблении «дается отрицательная оценка его [потерпевшего] личности, его человеческим качествам, поведению, причем в такой форме, которая резко противоречит принятому общению между людьми...» [Юридический энциклопедический словарь: 280].

УК РФ дополняет это понятие: «*Неприличная форма дискредитации потерпевшего* означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно *циничной*, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это *нецензурные* выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами» (с. 241). Что такое *нецензурный*? По данным словарей, это синоним непристойного, т.е. нецензурные выражения дают отрицательную оценку личности потерпевшего через употребление слов и выражений определенной семантической группы, не принятых в обществе, неуместных в большинстве ситуаций общения. Однако, как отмечают исследователи, понятие *непристойности* поддается определению с большим трудом, поскольку оно, во-первых, сильно менялось с течением времени, во-вторых, имеет национально-специфический характер [Жельвис 2000: 226].

Цинизм – наглое, бесстыдное поведение и отношение к чему-нибудь, проникнутое пренебрежением к нормам нравственности и благопристойности». *Циничная* же (а тем более «явно циничная») форма – это синоним непристойности.

Итак, выделяют три необходимых признака *оскорбления*:

- а) факт унижения чести и достоинства,
- б) неприличная форма такого унижения,
- в) направленность на конкретное лицо.

Строго говоря, необходим и еще один признак, а именно умышленность оскорбления (что оказывается юридически значимым в ситуации заочного оскорбления, т.е. не в присутствии потерпевшего). Соответствуют ли сведения, распространяемые при

оскорблении, действительному положению вещей – этот вопрос как раз не относится к компетенции лингвистической экспертизы.

Анализ поданных исков и материалов, направленных на лингвистическую экспертизу, позволяет выявить языковые единицы, которые воспринимаются людьми как оскорбляющее их честь и достоинство.

1. Табуированная лексика. Под термином *табуированная лексика* (иначе – *обсценная лексика, инвектива, мат*) понимаются слова, ненормативные, не кодифицированные и не зафиксированные в толковых словарях литературного языка. Жесткий запрет на публичное употребление табуированной лексики и фразеологии семантически связан с запретной темой секса, вообще сферой «телесного низа». В.В.Химик называет мат «особым словом русского просторечия, сыгравшего заметную и символическую роль в русской культуре» [Химик 2000: 245]. Этот класс слов сформировался у восточных славян еще в языческую эпоху и поддерживается вот уже на протяжении 1000 лет. В.И. Жельвис также из традиций народной культуры выводит матерную инвективу, существовавшую как средство профанного начала, потребность противопоставления сакрального, возвышенного – земному, грубому [Жельвис: 97]. Главная особенность современного употребления такого рода обсценной лексики заключается в том, что эти единицы используются не в прямом, сексуальном смысле, а в переносных значениях, экспрессивных переосмыслениях. Они представляют собой вербальное нарушение этического табу, нарушение нормы для создания особой эмоции. Все исследователи единогласно утверждают, что инвектива всегда является оскорбительной как лексика «маргинального и высоко экспрессивного потенциала» [Химик 2000: 196].

В последние годы, к сожалению, серьезно возросла активность употребления мата в разговорной речи, в условиях межличностной коммуникации при неформальном общении, а также в печатных и электронных СМИ. Обсценная лексика, бесспорно, относится к нецензурной лексике, запрещенной к произношению в общественном месте или опубликованию в любом виде, поэтому доказать факт оскорбления бывает несложно, если используются подобные слова.

2. Слова, имеющие в словаре пометы грубое, бранное, жаргонное. Широкое распространение такого рода слов в письменных текстах – печальная примета нашего времени, агрессивного, создающего фрустрирующую ситуацию. Приведем лишь некоторые примеры употребления слов этой группы:

ТАУ не то, чтобы будет пресекать на корню и ставить...на место их, о таких кандидатов будут вытирать ноги, называть их дерьмом (ТАУ, 1995)

Эта Новодворская, эта жаба Новодворская, которая визжала, что русских положили у параша и там их место (митинг в Москве 4 октября 1998 г.)

Я его [Гайдара] за это обозвал жопой с ушами (митинг в Москве 4 октября 1998 г.)

Если следовать слухам, то наш герой оказывается гей... И мы не узнаем графа Альмавиву, потому что лупоглазый гей создал совсем другой образ. (Ритм, 25.12.98).

Или такой пример:

«Голубой ворюшка» Альхен из 12 стульев сильно краснел, расхищая казенное добро, а вот его единомышленник «Альхен» Воробьев никогда не краснеет (ДСП, 25.10.01).

Отождествление Воробьева с художественным героем осуществляется сразу по двум параметрам: «вор» и «голубой», оба из которых называют признаки социально осуждаемые в современном обществе.

Неоднократно объектом экспертизы становилось слово *жид*.

Я вслух заявляю, в любом случае с моей смертью или смертью моих соратников по списку на тот свет заберут десять этих жидов. Но если, что случится, я вас, жидов, на тот свет 10 человек с собой как минимум по списку заберу (митинг в Москве 4 октября 1998 г.).

Нейтральное прежде во всех славянских языках значение слова *жид*, зафиксированное в словаре В.И. Даля, на который обычно ссылаются ответчики, использовавшие это слово, в современном русском языке окончательно утрачено, тогда как его бранное употребление (ср. дефиницию, приведенную в «Толковом словаре русского языка конца XX века» [1998]: «Жид, а, м. - Разг. Уничиж. Презрительное, бранное название еврея») приобрело ярко выраженную агрессивность под влиянием социально-

политических факторов. Использование этого бранного слова и его производных (*жидовская морда, жидовская натура, жидобок*) либо в виде прямой инвективы по отношению к тому или иному человеку, либо в скрытой форме, направленной на ассоциацию с тем или иным человеком, квалифицируется как «оскорбительное ксенофобское прозвище» [Жельвис 2000: 233] и представляет собой факт унижения чести и достоинства в неприличной форме такого унижения.

Исследователями выделены разряды слов, в значении которых содержится оскорбление:

1. Констатирующие номинации лица, обозначающие негативные с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо, например: *бандит, вор, мошенник, проститутка, фашист, шпион*.

2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *двурушник, расист, враг народа*.

3. Нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, например: *бюрократ, коновал, мясник, чиновник*, которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п.

4. Зоосемантические метафоры, содержащие, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т.п.; многие из таких метафор относятся к бранной лексике, оставаясь, впрочем, в рамках литературного языка. См., например: *быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, сукин сын, свиное рыло*.

5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, хапнуть*.

6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: *гадина*.

7. Словосочетания, представляющиеся эвфемизмами по отношению к словам-номинациям 1-го разряда. Тем не менее в эмоционально напряженной речи эти эвфемизмы не в меньшей степени оценочны, чем соответствующие «прямые» обозначения адресата. Например: *женщина легкого поведения, падшее создание, стоять на панели, агент иностранных спецслужб*.

8. Оказиональные образования (часто построенные на «игре слов», каламбурах), создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п.: *коммуняки, дерьмократы, прихватизация* [Цена слова 2002: 334–336].

В таких случаях достаточно легко доказать факт оскорбления, но в последнее время более частыми становятся другие явления, когда неуместные, непринятые слова и выражения употребляются, но при этом не дается никакой отрицательной оценки личности. Автор речевой продукции (в частности, журналист) обычно склонен рассматривать адресата как читателя или слушателя **вообще** [Голев 2001: 252]. Свое речевое произведение он связывает с общими проблемами, а конкретный персонаж есть лишь средство их разрешения. Естественно, что являющийся персонажем адресат не склонен к такому обобщению и отвлечению от своих собственных морально-психологических переживаний: если ущемлено чувство его **собственного** достоинства, то позиция читателя вообще для него мало актуальна. Возникает ситуация разного понимания речевого произведения, разной интерпретации его интенционального содержания со стороны автора и со стороны персонажа. Журналист сказал одно, а ему в вину вменяется совершенно другое. Однако, к сожалению, довольно часто журналисты забывают об элементарных этических нормах и публикуют материалы, конкретно направленные против персонажа и провоцирующие его, но тем не менее не содержащие оскорбительных слов.

Покажем на примере текста статьи «Хайль, Россель». Уже в заголовке закладывается культурная информация, связанная с образом Гитлера как разрушителя и временем его правления и существующая в своем стереотипном виде как резко отрицательная. И этот стереотип, возникающий в сознании в связи со словом *хайль*, накладывается на совершенно конкретное лицо, которое в сознании читателя заменяет место Гитлера. Последующий текст статьи детализирует заявленную информацию путем введения слова *фашисты*, носящего резко отрицательный характер, а также тенденциозным анализом фамилии Россель, имеющей немецкие корни. Автор целенаправленно актуализирует основные смыслы: «Россель по происхождению немец, имеющий общую

родину с Гитлером», «Гитлер – основатель фашизма», чтобы имплицитно пробудить у читателя вопрос: какова вероятность, что Россель не будет вторым Гитлером в России?. Подобные логические выводы автор не дает открыто, а предоставляет возможность читателю домыслить их самому через расшифровку культурной информации, стоящей за словом.

Когда границы между нормами речевого взаимодействия сдвинуты и размыты, формально и четко определить различие между нарушением этикета, бестактностью, хамством и гражданским или уголовным нарушением становится нередко задачей крайне затруднительной или вовсе нерешаемой.

Развитие лингвистической экспертизы имеет принципиально важное значение для юриспруденции, поскольку особая роль любой экспертизы в общей системе права обусловлена тем, что экспертиза является инструментом решения коллизионных ситуаций между субъектами права и, следовательно, инструментом защиты интересов личности.

Список литературы

Голев Н.Д. Юридизация естественного русского языка как фундаментальная проблема юридической лингвистики // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2001.

Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. – М., 2000.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика–2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.

Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складчиковой. Л., 1998.

Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2002.

Юридический энциклопедический словарь – М., 1987.

Юрислингвистика–2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.